В.А. Чалый*

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАНТА КАК «АНАЛИТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ» В ТРАКТОВКЕ П.Ф. СТРОСОНА

В статье рассматривается предпринятая классиком школы лингвистического анализа П.Ф. Стросоном интерпретация «Критики чистого разума» Канта как основанного на постулатах аналитической философской традиции «аналитического аргумента», отделенного от метафизики трансцендентального идеализма. Автор следует критику Стросоном трансцендентального идеализма и его интерпретации в более поздних работах по аналитическому кантианству (Элисон, Ханна и др.). На основании работ зарубежных и отечественных авторов предлагается попытка решения проблемы ноуменального аффицирования. Автор также выявляет трудности предложенного Стросоном аналитического аргумента в трактовке эпистемологической операции синтеза.

Ключевые слова: И. Кант, П.Ф. Стросон, трансцендентальный идеализм, вещь в себе, синтез, априори, ноуменальное аффицирование

Kant's critical theory as an «analytical argument» in P.F. Strawson's interpretation. VADIM A. CHALIY (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The author analyzes the interpretation of Kant's «Critique of pure reason», undertaken by P.F. Strawson, who attempts to reinvent Kant's theory on the principles of analytic tradition as an «analytical argument» separated from metaphysical doctrine of transcendental idealism. Strawson's criticism is compared to later and more sympathetic interpretative efforts made by H. Allison and R. Hanna. These efforts together with arguments provided by L. Abramyan and L. Kalinnikov forms the basis for the proposed solution for the problem of noumenal affection. Strawson's analytical argument is shown to meet problems trying to explain synthetic cognitive operations.

Keywords: I. Kant, P.F. Strawson, transcendental idealism, thing in itself, synthesis, a priori, noumenal affection

В 1960-х гг. аналитическая философия обратилась к освоению Канта. В свете прежних революционных устремлений поворот этот казался неожиданным, однако имел глубокие основания. Доминировавшая на тот момент витгенштейнианская парадигма анализа обыденного языка исчерпала первоначальный импульс и нуждалась в усложнении теоретического аппарата, а это в свою очередь подталкивало

к пересмотру позитивистских установок в отношении бессмысленности метафизики. Особенности нового «метафизического поворота» были обусловлены кругом актуальных для аналитиков того времени проблем эпистемологии, лингвистики, философии науки. Совершая этот поворот, философы стремились сохранить «аксиоматическое ядро», «культурный код» своей традиции, восходящей к британскому эмпи-

* ЧАЛЫЙ Вадим Александрович, кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

© Чалый В.А., 2017

ризму начала Нового времени. Это во многом предопределило характер и исход попытки реинтерпретации наследия прошлого.

Нет ничего удивительного в том, что именно философия Канта оказалась в фокусе внимания одной из первых. Масштаб и глубина критической системы, ее эмпиристские аргументы, обогащенные «континентальным» рационализмом и гениальными находками кенигсбергского философа, открывали возможности для ее адаптации к решению фундаментальных для аналитической традиции проблем. Канта необходимо было переписать иным языком, и эта работа началась сразу несколькими авторами в начале 1960-х гг. Ключевыми стали следующие работы: Г. Берд «Кантова теория познания» (1962) [6], Дж. Беннет «Кантова аналитика» (1966) [5], П.Ф. Стросон «Пределы смысла: очерк о «Критике чистого разума»» (1966) [9]. Последняя из них, написанная тогдашним лидером оксфордской школы лингвистического анализа, стала классической для аналитической философии и легла в основу движения, которое можно назвать «аналитическим кантианством».

Давшая радикально новое прочтение философии Канта, стросоновская интерпретация оставалась доминирующей до 1980-х гг., когда целым рядом англо-американских философов были выдвинуты аргументы, предлагающие более полно переосмыслить трансцендентальный идеализм в рамках аналитической традиции. Наиболее глубоко и последовательно критиковали редукционистскую интерпретацию Стросона американские философы Г. Элисон [4] и П. Гайер [7]. Одновременно внимание англоязычных философов обратилось к другим работам Канта. Стало складываться комплексное прочтение критической системы. Последующие десятилетия явили новые достижения на этом пути. Среди работ, исследующих влияние идей Канта на аналитическую традицию, можно назвать книгу Р. Ханны «Кант и основания аналитической философии» (2001) [8]. Параллельно с теоретико-философскими исследованиями, а в последние десятилетия, возможно, даже более интенсивно, идет работа по интерпретации морально-политической философии Канта.

Адаптация идей Канта к контексту аналитической традиции осложнена целым рядом обстоятельств. Первое и наиболее очевидное из них — язык. Сочинения Канта предельно техничны, изобилуют специальной философской терминологией, которая поддается только приблизительному переводу. Переводческая

работа, блестяще осуществленная А. Вудом, П. Гайером, М. Грегор, Н. Кемпом-Смитом, Р. Лауденом, Э. Мэттьюсом, П. Хитом и др., сталкивается с объективными различиями философского немецкого и философского английского. Неспециалистам, не обращающимся к немецкому оригиналу, трудно понять, например, важнейшую разницу между кантовскими *Objekt* и *Gegenstand*, переводимыми одним английским словом *object*. Приходится отметить, что эта трудность свойственна и интерпретации Стросона. Во-вторых, адаптация идей Канта проходит на фоне уже отмеченного конфликта эмпиристских оснований аналитической школы и трансценденталистской парадигмы Канта. Он означает невозможность охватить, «втянуть» в аналитический контекст доктрину немецкого философа целиком. Эту работу приходится проделывать с частями теории, которые, однако, теряют в функциональности за пределами целого. Следует отметить важную разницу между первыми и последующими интерпретациями кантовской системы, связанными, как можно предположить, с парадигмальными изменениями в преобладающем в англоязычном мире способе философствования. Интерпретациям, например, Элисона и Лаудена присущ известный органицизм, плюрализм, в то время как попытка Стросона выделить из трансцендентальной системы «аналитический аргумент» более механистична. «Аналитический аргумент» в ней подобен ценному узлу, который из неработающего двигателя переносится в работающий, чтобы усовершенствовать его. Однако оказывается, что конфликт с пресуппозициями делает «вживание» теоретического органа в инородный философский контекст проблематичным.

Обратимся к содержанию этой интересной попытки. Основной тезис «Пределов смысла» таков: все философское рассуждение «Критики» успешно делится на две неравные части, «аналитический аргумент» и «доктрину трансцендентального идеализма». Аналитический аргумент выявляет предпосылки и концептуальную структуру знания. Это позитивная часть кантовской системы, суммирующая ее достижения. Трансцендентальный идеализм, согласно Стросону, это обширное и запутанное собрание метафизических заблуждений, паразитирующих на эпистемологическом ядре и подлежащих элиминации. Задача «Пределов смысла» — реконструировать «аналитический аргумент» и очистить его от ложной метафизики. Позитивная часть кантовской доктрины ис-

черпывается «Трансцендентальной эстетикой» и «Аналитикой». Его основное содержание можно выделить в шести тезисах [9, р. 24]:

- тезис пространственности/темпоральности: опыт есть длящееся во времени;

- тезис необходимой целостности сознания: фрагменты длящегося во времени опыта (восприятия) должны быть объединены так, чтобы допускать возможность самоатрибуции или, что то же самое, самосознания, составляющего основание субъективности;

- тезис объективности: опыт предполагает восприятие объектов, допускающих демаркацию между этими восприятиями и самими объектами для логической возможности суждений о существующем как об имеющем место вне зависимости от индивидуальных восприятий;

- тезис пространственности: объекты выступают как пространственные сущности;

- тезис единства пространства и времени: в основе воспринимаемой реальности лежит структура, вмещающая все ее объекты, их свойства и отношения;

- тезис «Аналогий опыта»: некоторые неизменные принципы причинности и постоянства необходимо действуют в эмпирически воспринимаемом объективном пространственно-временном мире.

Стросон утверждает, что в этот аналитический аргумент Кантом произвольно добавлена метафизическая «трансцендентальная психология», полученная путем необоснованного выведения набора из двенадцати категорий из форм суждения [9, р. 117]. Столь же сомнительной является представленная там же теория, объясняющая синтетические процедуры сознания. Логически избыточным является и учение о вещах в себе, в особенности – противоречивое утверждение об их непознаваемости. Добавляя эти построения в аналитический аргумент, Кант сам нарушает собственный главный принцип исследования, запрещающий эмпирическим понятиям оставлять область опыта, обеспечивающего их «понятность» [9, р. 225]. Что касается укорененного в «трансцендентальной психологии» вопроса о возможности синтетических суждений априори, который Кант, как известно, использует в качестве одной из лаконичных формулировок своей эпистемологической программы, то он, по мнению Стросона, так и не получил сколь-либо внятного ответа. Это свидетельствует о бессмысленности вопроса и самого понятия «априорного синтеза» [9, р. 44]. Ввиду этого Стросон отрицает достаточ-

ность оснований для решения принципиального вопроса об эмпирическом либо трансцендентальном происхождении концептуальной схемы, признавая, однако, что сам вопрос является осмысленным и представляет собой предел нашего разумения, на котором нам следует удерживаться от соблазна пуститься в обреченные на неудачу метафизические спекуляции [9, р. 44].

Таким образом, если Кант полагает трансцендентальную теорию своим главным достижением, решающим целый набор взаимосвязанных проблем, то Стросон находит ее главной и наиболее драматической кантовской ошибкой, ведущей к разрушающим систему противоречиям [9, р. 21]. Предпринятая Стросоном интерпретация имеет целью избавиться от результатов данной ошибки. Создается весьма примечательная ситуация, когда интерпретатор предлагает элиминировать из теории то, что ее создатель с гордостью объявляет центральным достижением. Наша задача – выяснить, может ли аналитический аргумент, отделенный Стросоном от трансцендентальной доктрины, функционировать в качестве самостоятельной теории.

Обратимся к стросоновской интерпретации и критике трансцендентального идеализма. Британский философ приводит четыре возможные трактовки этой фундаментальной кантовской теории, и ни одна из них, как он считает, не может выстоять под напором критики. Выводы аналитика решительно утверждают провал трансцендентального проекта: во-первых, допущение сверхчувственной реальности является в нем произвольным и, по-видимому, имеет в виду создать основу для будущих моральных спекуляций о «практическом разуме»; во-вторых, с самого появления «Критики» вменяемая ей трудность с «ноуменальным аффицированием», т.е. с объяснением процесса воздействия умопостигаемой реальности на воспринимаемую в опыте, является неразрешимой и фатальной; в-третьих, из последнего следует, что у Канта вообще нет внятной теоретической модели внешней реальности, и он остается с теорией, представляющей собой субъективный идеализм берклианского толка. Анализ приведенных критических аргументов, их рецепции в англоязычной литературе показывает возможность связной и текстологически обоснованной реконструкции трансцендентального идеализма, объясняющей без явных противоречий отношения явлений и вещей в себе и не несущей сложностей, свойственных берклианству.

Первым шагом к построению такой конструкции должен стать анализ смыслов, в которых Кант употребляет фундаментальные понятия своей теории: «феномен», «явление», «ноумен», «вещь в/сама по себе», «трансцендентальный предмет», «объект» и др. Высказывается несколько позиций в отношении этой задачи. Наиболее распространенная состоит в допущении синонимичности понятий «ноумен», «вещь в себе», «трансцендентальный предмет», «вещь, как она существует сама по себе», используемых в одном смысле – сущности сверхчувственной и непознаваемой. Стросон – один из многих стоящих на такой позиции. В такой трактовке существуют два мира: непознаваемый ноуменальный мир (при этом онтологически первичный) и познаваемый феноменальный мир, зависящий от первого, представляющий собой кажущуюся нам реальность. Характер отношений между этими мирами остается у Канта без внятных объяснений. Однако высказывались и альтернативные точки зрения. Например, Г. Элисон говорит о двух значениях понятий «вещь в себе» и перечисленных выше смежных с ним, полемическом и неполемическом. Кант использует эти понятия полемическим способом, когда пытается ограничить область чувственно воспринимаемого: «понятие ноумена есть только *пограничное* понятие, служащее для ограничения притязаний чувственности и потому имеющее только отрицательное применение». Неполемическое значение этих понятий – внешний объект, который «соответствует нашим представлениям, но в то же время отличается от них» [3, р. 241]. Данное значение указывает на принципиальную невозможность помыслить полноту явленного в чувствах опыта. Предложенную Г. Элисоном трактовку разрабатывает Р. Ханна, различающий негативное и позитивное значения понятия вещи в себе и предлагающий называть ее «теорией двух взглядов», отличая от обычно вменяемой Канту «теории двух миров». В негативном значении «ноумен» это всякая мыслимая сверхчувственная сущность, в позитивном – это предмет, открытый вводимому Кантом «интеллектуальному восприятию», т.е. гипотетическому восприятию разумом без посредничества чувств, которым человек не обладает, но могут обладать иные разумные существа. Ханна выделяет еще одно значение специально для «трансцендентального предмета»: «базисный формальный конституент ... во всяком опыте вообще» [8, р. 107], представляю-

щий собой необходимое основание опыта. При этом трансцендентальный предмет сам не входит в пределы опытного знания. Предложенные Г. Элисоном и Р. Ханной трактовки центральных понятий трансцендентального идеализма открывают иные перспективы реконструкции кантовской философии.

Интересные результаты получены и в отечественном кантоведении. Так, Л.А. Абрамян предлагает различать два статуса вещи в себе, онтологический и гносеологический, что позволяет различать вопросы существования и вопросы познаваемости. Эта дистинкция обогащает только что изложенную концепцию американских философов, работающих преимущественно в эпистемологическом/гносеологическом плане [1]. Л.А. Калинин выдвигает интерпретацию вещи в себе, призванную отвести от трансцендентальной теории подозрения в агностицизме. Пользуясь имеющим более широкое значение понятием «вещь вообще», мы можем разделить его на «вещи для нас» и «вещи вообще» [2]. Первые можно трактовать в двух аспектах: как полностью непознаваемые, но аффицирующие чувственность вещи в себе (что соответствует «традиционной» трактовке, разделяемой, в частности, Стросоном) и как основание для ограниченного проникновения в непознаваемое, возможного как бесконечный процесс расширения познанного.

Приведенные трактовки вскрывают неравнозначность понятий «вещь в себе», «трансцендентальный предмет», «ноумен». Как представляется, можно говорить о по меньшей мере трех значениях:

1. Негативном значении, отсылающем к множеству сущностей, необходимо либо случайно закрытых для человеческого чувственного восприятия. Это значение используется для критики соперничающих теорий, а также для введения потенциальной неограниченности процесса познания.

2. Значении, указывающем на мысленные сущности, идеи, имеющие логическую форму, мыслимые признаки, входящие в область действительного, воображаемого и т.д., но не обладающих предметными эквивалентами в опыте. Эти сущности служат проектированию деятельности, нацеленной на осуществление в виде предметов некоторых из них.

3. Значении, соответствующем сущностям, способным производить чувственные восприятия в сознании человека, т.е. являющимся в опыте. Эти сущности выступают как «вещи для

нас», в качестве предметов познания. Постольку, поскольку они производят явления, они познаются, однако эти знания нет и не может быть возможности полагать полными и окончательными, иными словами, приравнивать «вещь для нас» к «вещи самой по себе». Данный в чувствах опыт складывается только из тех свойств и отношений, которые различимы, распознаваемы для нашей когнитивной конституции или концептуальной схемы. Невозможно утверждать, что человеческое восприятие не упускает ни одной сущностной стороны являющихся нам «вещей для нас», по этой причине остающихся также «вещами в себе».

В тексте двух изданий «Критики», в заметках, текстах лекций и т.д. есть цитаты, в которых трансцендентальные понятия употребляются в одном из трех значений. Результаты работы по их сортировке представлены в нашем исследовании [3]. Следует признать, что эта интерпретация не решает всех текстологических противоречий, на которые указывают критики Канта, однако она дает симпатизирующее связанное прочтение трансцендентального идеализма, исходящее из презумпции непротиворечивости кантовского текста.

Предлагаемая интерпретация трансцендентальных понятий отвечает на самые острые критические замечания в адрес теории Канта. Главное, она решает упоминавшуюся проблему ноуменального аффицирования, утверждая познаваемость реальности в пределах, открываемых нашей концептуальной схемой. Мир явлений оказывается частью реальности, так как не ограничен пределами сознания, имеет внешнее соответствие. При этом отсутствуют формальные основания для ограничения реального только действительным опытом, данным в чувствах, не учитывая при этом возможный опыт. Это позволяет заключить, что внутренняя напряженность трансцендентального идеализма по крайней мере не оборачивается катастрофической внутренней противоречивостью, которую вменяют ему в рамках традиционной линии критической атаки (в т.ч. Стросон).

Наметив контуры позитивной интерпретации трансцендентального идеализма, вернемся к аналитическому аргументу Стросона. Его шесть тезисов характеризуются тем, что не могут быть доказаны, а выявляются как необходимые условия знания. Кант имеет свой метод работы с подобным уровнем теории, который также относится к числу его важнейших изобретений. Американский философ Б. Страуд предложил

для этого метода название «трансцендентальный аргумент», или «трансцендентальное рассуждение» (argument) [9]. Именно его пытается адаптировать Стросон для обоснования выделенных им шести тезисов, деля их на три группы.

Первую группу составляют тезисы «Трансцендентальной эстетики» – временности и пространственности опыта. Согласно Стросону, кантовское доказательство их имеет одну форму, успешно работающую в случае временности не столь успешно в случае пространственности. Временная организация опыта необходима для осуществления фундаментальной когнитивной операции распознавания, т.е. подведения частных случаев под общие понятия, токенов под типы, узнавания предмета как того же самого и т.п. (подробнее эти операции проанализированы Стросоном в «Индивидах»). Ее необходимость подтверждается тем, что мы не можем вообразить альтернативный мир, в котором временная упорядоченность отсутствует или устроена иначе. Это не работает в случае пространства: Стросон утверждает, что Кант безосновательно принимает эксклюзивность евклидовой геометрии, что сегодня выглядит устаревшим. Однако соотнесенность предметов в едином пространстве какого-то типа все-таки оказывается необходимой для возможности связанного опыта.

Вторая группа – это тезисы единства сознания, объективности и единства пространства-времени. Единое длящееся сознание, трансцендентальное единство апперцепции, возможно только как индивидуальная непрерывная траектория движения через единый пространственно-временной континуум, воспринимаемый как существующий независимо от содержания сознания субъекта. Тезис «Аналогий» рассматривается специально, в него входят адаптированные кантовские рассуждения о том, что единство мира в опыте возможно только при условии действия в нем причинно-следственных отношений.

Вопрос, с которым теперь необходимо обратиться к аналитическому аргументу, заключается в том, решает ли он проблемы (либо избавляется ли он от них), к которым была адресована теория Канта. И здесь наиболее сложной оказывается проблема синтеза, центральная для проблем единства сознания, единства опыта и единства мира. Примечательно, что Стросон избегает понятия «синтез». Там, где Кант использует его для объяснения соединения представлений, британский философ прибегает к аналитической процедуре подведения под понятия. Если у Канта многообразие опыта возникает благодаря

синтетической деятельности субъекта, для Стросона субъект получает его как данность и затем разделяет. Однако даже согласившись с таким объяснением этапов познавательной деятельности, мы сталкиваемся с проблемой активности сознания в порождении новых комбинаций полученных анализом фрагментов знания. Реконструкция Стросона нуждается в теории синтеза, которая в ней отсутствует. Как представляется, отвечая на вопрос об устройстве уже сформированного знания, ей недостает возможностей для ответа на важнейший вопрос о том, как формируется знание. Но именно в процессе формирования, соединения опытного многообразия и являет себя единство сознания. Таким образом, без теории синтеза Стросон средствами аналитического аргумента не может доказать того, что Кант устанавливает трансцендентальной дедукцией. Попытка включения кантианской теории синтеза в аналитический аргумент означала бы его глубокую реорганизацию, в частности, надления понятия «априори» синтетическим, трансцендентальным значением. Таким образом, изучая возможности аналитического аргумента в роли самостоятельной теории, мы установили, что, во-первых, их недостаточно для решения либо устранения некоторых фундаментальных проблем, решаемых трансцендентальной теорией Канта (в частности, описания синтетических процедур сознания); во-вторых, возможна непротиворечивая интерпретация трансцендентального идеализма, избегающая выдвинутой Стросоном критики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л.А. Кант и проблема знания. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1979.
2. Калинин Л.А. Понятия «вещь вообще» и «вещь в себе» и их роль в системе кантовского «критицизма» // Кантовский Сборник. 1985. № 10. С. 3-11.
3. Чалый В.А. Критический анализ интерпретации Питером Стросоном философской системы Иммануила Канта: дисс. ... канд. филос. наук. Калининград, 2004.
4. Allison, H.E., 1983. Kant's transcendental idealism: an interpretation and defense. New Haven: Yale University Press.
5. Bennett, J., 1966. Kant's analytic. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Bird, G., 1962. Kant's theory of knowledge: an outline of one central argument in the Critique of pure reason. Routledge & Kegan Paul.
7. Guyer, P., 1987. Kant and the claims of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hanna, R., 2001. Kant and the foundations of analytic philosophy. Oxford: Clarendon Press.
9. Strawson, P.F., 1966. The bounds of sense: an essay on Kant's "Critique of pure reason". London: Methuen.
10. Stroud, B., 1968. Transcendental arguments. Journal of philosophy, Vol. 65, no. 9, pp. 241-256.

REFERENCES

1. Abramyan, L.A., 1979. Kant i problema znaniya [Kant and the problem of knowledge]. Erevan: Izd-vo AN Armyanskoi SSR. (in Russ.)
2. Kalinnikov, L.A., 1985. Ponyatiya «vesch' voobshe» i «vesch' v sebe» i ikh rol' v sisteme kantovskogo «krititsizma» [The notions of "thing in general" and "thing in itself" in Kant's "critical" system], Kantovskii Sbornik, no. 10, pp. 3-11. (in Russ.)
3. Chaliy, V.A., 2004. Kriticheskii analiz interpretatsii Piterom Strosonom filosofskoi sistemy Immanuila Kanta [Critical analysis of Peter Strawson's interpretation of Immanuel Kant's philosophical system], dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. Kaliningrad. (in Russ.)
4. Allison, H.E., 1983. Kant's transcendental idealism: an interpretation and defense. New Haven: Yale University Press.
5. Bennett, J., 1966. Kant's analytic. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Bird, G., 1962. Kant's theory of knowledge: an outline of one central argument in the Critique of pure reason. Routledge & Kegan Paul.
7. Guyer, P., 1987. Kant and the claims of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hanna, R., 2001. Kant and the foundations of analytic philosophy. Oxford: Clarendon Press.
9. Strawson, P.F., 1966. The bounds of sense: an essay on Kant's "Critique of pure reason". London: Methuen.
10. Stroud, B., 1968. Transcendental arguments. Journal of philosophy, Vol. 65, no. 9, pp. 241-256.